

**ВИКТОР
ГОФМАН**

*Пересыпаемый
песок*

**ВИКТОР
ГОФМАН**

***Пересыпаемый
песок***

Художественно-издательский центр

Москва
2013

БАБЬЕ ЛЕТО

Прибавилось всюду свободы и света,
И слабо пригреты поля;
Прощальной улыбкою бабьего лета
Меня приласкала земля.

И в каждой минуте отрада такая,
Такой отрешённый покой...
Так, смерти и времени не замечая,
Стоит монастырь над рекой.

Там ровное пламя ничто не колышет.
И в тихих и чутких стенах
Осеннего ангела пение слышит,
Застыв у окошка, монах.

НЕМАЯ РЕЧЬ

Иль дней былых немая речь...

А. Фет

Один бы только день! В тумане первых улиц
С вокзала в ранний час представить на ходу,
Что на Крестовском – тишь, и уточки проснулись:
Ныряют в полынью и топчутся на льду.

Сквозь морось добрести, пристать у Грибоеда,
Где дремлет пара львов над мостиком крутым.
Немного отдохнуть... слоняться до обеда...
И каждый миг гореть свиданьем золотым!

Где у просторных льдов застыли две колонны,
Где ветры над рекой пронзительно свистят,
Узнать издавека твой облик оживлённый
И увидеть вблизи твой чуть раскосый взгляд.

В подвальчике вином согреться у собора
И, изнывая вновь от этих детских плеч,
Услышать, как вдали – за гребнем разговора,
Мигая, как маяк, – звучит немая речь.

Ты та же, что всегда! Припомни всё, что было.
Скользни по волосам небрежною рукой..
Я долго бы смотрел, когда ты уходила...
Один бы только день! А там – и на покой.

КАНТОР

Как хорошо зимою слушать вьюгу,
А летом дождь – забывшись у окна,
В осенний вечер – завершая фугу,
Хлебнуть глоток любимого вина.

Входить в орган в камзоле небогатом,
Со свадеб деньги брать и похорон,
Строгать детей, судиться с магистратом..
И в судный день поскрипывать пером.

КОМАНДИРЫ

Не в гулких коридорах
Подвальных этажей,
Не на глухих просторах
Колючих рубежей.

Давно кожанки эти
Смешались с грудой тел,
Когда мятежный ветер
Над крепостью свистел.

Там и полёг когда-то
Ослепший комсостав,
На красном льду Кронштадта
В метели заплутав.

КНОРОЗОВ

У лампы над столом, немеркнувшей упрямо,
У спящих стеллажей кунсткамеры ночной
Всю жизнь ты уходил от будничного гама
В мерцающий язык, в далёкий мир иной.

И ты увидел их – под занавес, на вздохе –
Чей первобытный зов несказанным томит,
Свидетелей тобой разгаданной эпохи –
Средь зарослей густых ступени пирамид.

И ты, сложивший жизнь к далёкому подножью,
В испарине дрожал, вода по ним рукой;
Так в наслаждении дрожат последней дрожью,
И в муках перед тем, как обрести покой.

Когда погрязло всё в базаре и раздоре,
Исполнивший судьбу, ты как-то сразу сник;
И уходил один в больничном коридоре,
Как уходил всю жизнь в неведомый язык.

* * *

Чтоб не месить грязь,
Надо унять рысь,
И оборвать связь,
И унести ввысь.

Перекусив нить,
Лёгко полёт лет,
Но тяжело быть,
Если тебя – нет.

АНДЖЕЙ

Видно, смерть до срока миновала,
Просвистела песней снеговой
От морозных лап лесоповала
До окопов мёрзлых под Москвой.

Потерпи – согреешься в пустыне,
Где пески под танками скрипят.
Хорошо им посреди Катыни
Отдыхать от лая и солдат.

А в пустыне – озверев от зоны,
Эки скопом лезут на редут:
В ярком зное жалят Скорпионы,*
Зубры твердолобые грядут.

* Зубры, Скорпионы – названия частей в польской армии Андерса.

Вас несметно под конец косило,
Где стояли насмерть егеря
У бессмертных стен Монте-Кассино,
У кремнистых троп монастыря.

И, когда ребята над Берлином
Отгремели выжившим отбой,
Поредевшим клином журавлиным
Потянулись странники домой.

Но под птичий гам над головою
Отдыхать недолго довелось...
По вагонам – окрики конвоя,
И колючий перестук колёс.

Видимо, за то что не убили,
Ты стоишь средь хвои и пурги –
На просторах, посреди Сибири
Всё нисходит на свои круги.

ДОМОЙ

Брату Саше

Я ещё по тропинке притоптанно твёрдой,
По сырому снежку в подмосковном лесу
До заветной калитки со старой щеколдой
Драгоценную нежность свою донесу.

И воспряну в призыве окрестного мая
Там, где к столику лист прошлогодний налип,
Где, безумьем грозя и сердца надрывая,
Разливается запах проснувшихся лип.

Доберусь по затишью с улыбкой неловкой
В отдыхающем воздухе светло-пустом
До опавших берёз с бельевой верёвкой
И собаки навстречу с неуёмным хвостом.

УТРО

Не всегда был злым и веским
Этот лысый господин...
Если утро встретить не с кем,
Налегке пройдишь один.

Вот он – в простенькой рубашке
Бродит у Москва-реки,
Обрывает у ромашки
И бросает лепестки.

Потому, что резко утром
Пахнет юностью река,
И на волнах перламутром
Отливают облака.

И на площади вокзальной
Ярче зелень и гранит,
Где машины поливальной
Веер брызгами кропит.

Далеко – на пальцах перстни,
Деньги, слава и посты –
И под свист счастливой песни
Утром улицы чисты.

БЛОК

Четвёртый день метель кружилась
Над воем обречённых псов,
А ночью Вырубова снилась
И гулкий камеры засов.

Ты помнишь, шелест манифестов,
Штыков встревоженную сталь,
Когда в присутственное место
Спешил усталый секретарь.

Бранили Гришку в кабинете,
И кто тогда подозревал,
Куда ведут допросы эти,
В какой разбрызганный подвал.

Ещё к отечеству с любовью
Гневилась каждая строка,
Ещё блевотиной и кровью
Полы не хлюпали в ЧК.

От ленточки стенографистки
Ещё не потянулась нить
В метель без права переписки,
И в смерть без права хоронить.

И пусть судьба тебя хранила
От этих чрезвычайных мер,
Перо обмакивать в чернила
Ты и для лучшего умел.

...И вот опять в упрямом снеге
От Пряжки и до Моховой
Бреди в мороку редколлегий
Литературы мировой.

В холодный улей заседаний,
В гуденье истин прописных
Вдоль уходящих в Лету зданий,
Где вонь в подъездах ледяных.

И ветер над столицей хмурой
Разносит с вьюгой эту вонь,
И мировой литературой
В буржуйках теплится огонь.

ДВАДЦАТЫЙ

Потоми на знакомом перроне,
И под долгий колёс перестук
Увези меня в тесном вагоне
На вдали догорающий юг.

Пусть дымят, и кемарят от скуки;
Мутноватые стёкла дрожат;
Разобщённые временем руки
Над пустыми полями кружат.

Тянет в тамбуре гарью дорожной,
И гудок замирает глухой...
И пошлёт мне Господь невозможный,
Как из будущей жизни, покой.

Словно в кадрах замедленной съёмки,
Станет мир онемевший далёк;
Пусть толпятся мешки и котомки,
И со станций несут кипяток.

Пусть никто никого не встречает,
Где горит колыбельный закат;
Пусть вагон обречённо качает,
И колёса упрямо стучат.

* * *

Есть предел у твердыни,
Как бы храм не высок –
Подступают пустыни,
Засыпает песок.

Помнит мрамор ступеней
И фрагменты колонн
Маяту поколений
И усталость времён.

Среди грузных и пыльных
Отслуживших камней
Назиданий могильных
Дальний голос слышней.

Только стих на латыни
О песке суеты,
Где по кочкам пустыни
Разбросало кусты.

РИМ

Сергею Алиханову

Где, широко расправив крылья,
Над Римом свастика парит,
Концовки арий тянет Джилья,
Блестает дуче фаворит.

В дыханьи Рима – запах смерти,
Закатный дым, жужжанье мух,
А в зале пожинает Верди
Плоды затворнических мук.

Ещё терзается на сцене
Страдальца грузное лицо,
Ещё над узником Скорцени
Не дёрнул резко за кольцо.

У ног Марии – римский папа
В соборе молится Петра,
Ребята хмурые в гестапо
Не унимаются с утра.

Кого-то рвут в глухом подвале,
И он без голоса орёт;
И на всемирном карнавале
Не иссякает хоровод.

И от Нерона до Карузо
В кипеньи праздничной реки
Проносит оперная муза
Свои кровавые клыки.

* * *

Есть место на земле, где бог меня приметил:
Там запахи полей доносит летний ветер,
Там, занимая день бессмысленным трудом,
Под вечер приходил к берёзкам над прудом.

Я поднимался в пять, пускаясь в путь недалёкий
От клумбы у крыльца до маленькой купальни,
И, обжигая плоть дремавшею водой,
Бросал за взмахом взмах в гордыне молодой.

Там есть одна тропа за небольшим оврагом:
Лишь ступишь – и идёшь бодрее с каждым шагом –
Свободен и блажен – особенно зимой,
И вся твоя судьба – как этот путь прямой.

Я там и ночью шёл, сливаясь с лесом чёрным,
По узкой просеке скрипел снежком упорным,
И видел у вершин далёкую звезду..
И долго шёл один... И до сих пор иду.

* * *

Уже не ропщет заключённый,
И ничего уже не ждёт:
Засовом лягнет стражник чёрный,
Похлёбку ржавую плеснёт.

Под африканским грубым солнцем
В полуподвале душный смрад:
Кружат и ноют кровососы,
И крысы по углам шуршат.

В потёмках, смешиваясь с грязью,
Изъел терпенье едкий пот;
И нет конца однообразью,
И только смерть – ему исход.

Когда же ночью на рогоже
Тоску смежаю гнойных век,
Я вижу вновь одно и то же:
Холодный, чистый, белый снег.

Лежит в полях, летит снежками,
Ссыпается с еловых лап,
Растёт тяжёлыми комками
Для крепостей и снежных баб.

И оседает у тропинки
Под серой коркою своей,
Когда оделись иглы в льдинки,
Но хвоей тянет всё сильнеей.

Или заснеженную дачу
В далёких соснах узнаю,
И падаю в него – и плачу,
И обнимаю, и жую.

КОННИЦА

Может быть, это жар и бессонница,
Только вижу – ряды сохраняя,
Приближается красная конница
От окраин, победно гремя.

Проплывает ночными кварталами,
Скачет с пиками наперевес,
И колышется лентами алыми
Острых шлемов гарцующий лес.

И над банками, и над борделями,
Над игрою призывных огней
Заливается вольными трелями
Запевала, герой, соловей.

Депутаты тоскуют о родине,
Удирая с добытым добром,
У конфорок – в деньгах и блевотине –
Отравился от страха Газпром.

Над магнатами и над элитами
Поднимается душная вонь...
Только цокает мир под копытами,
И о волюшке плачет гармонь.

Чтобы улицу вымостить заново
И проветрить на все времена,
Чтоб на празднике в череп Зюганова
Виночерпий плеснул бы вина.

ЕЛЕНА

Такие ресницы на распри и войны
Народам дарила ревнивая Гера,
И гневом гудели эгейские волны,
Когда на восток уходили триеры.

И плечи поникли измученной Трои,
Пока у соперников вязли сандали,
И в рыхлый песок оседали герои,
И сильные птицы на мёртвых слетали.

Чтоб лёгким хитоном прикрытое тело
Некрепкою юностью благоухало,
Чтоб только цепочка небрежно звенела
По мраморным плитам у тронного зала.

О ЛИЦАХ ДАЛЬНИХ

Вступление

Люблю в затишье прерванного бега
С лыжни морозной поглядеть кругом,
Сухой ковыль над искорками снега
И деревеньку дальнюю с дымком.

Люблю арбуз – природы совершенство,
С победным треском празднуя надрез,
Вонзаться жаждой в алое блаженство,
Во влажный дар твоих сухих небес.

Встречать улыбкой первый плач незрячий,
Смотреть с печалью старости вослед;
Отогревать над мордою собачей
На сердце наледь безучастных лет.

Но всё нам дарит лишь одно творенье,
Один земли настойчивый магнит:
Глазам – отраду, плоти – наслажденье,
И жалостью, и нежностью томит.

Таня

Не близки мне посевы имперские:
В алых галстуках клятвы, салют –
Только зорьки твои пионерские
Вдалеке, полыхая, встают.

Утро каждое радио звонкое
Пробуждало твоим голоском,
А на даче глазастой девчонкою
Прибегала ко мне босиком.

Как же годы легко забываются,
Примелькавшись, быстрее летят,
Только синие ночи взвиваются
И в созвездья кострами искрят.

На площадку начальную, летнюю,
Повинуясь далёкой трубе,
Выхожу на линейку последнюю,
Плачу – и салютую тебе.

Ира

Бродил по городу, приехав,
И знал, что ты уже летишь,
И тихо улыбался Чехов
С больших расклеенных афиш.

В пенсне усталом и нестрогом
Он видел – в зное и пыли
Изныла степь под Таганрогом,
И скучно сохнут ковыли.

И через год ты выйдешь замуж,
Уедешь от родных афиш
За долгий океан – а там уж
Совьёшь гнездо, детей родишь.

И лишь сквозь годы дразнит снова
Твой карий, твой угрюмый зов,
И лёгкий ветерок с Азова,
И бой гостиничных часов.

Вита

Всё мерещится – маленькой, гибкой,
Мимолётной, как влаги глоток,
С неразлучной в чехольчике скрипкой;
И за лёгкой славянской улыбкой
Азиатский влечёт холодок.

На аллеях твоих облик некрепкий,
Невесомая поступь твоя –
Так витают в свету однодневки
На незримом краю бытия.

Ты играла за горсточку гривен
В ресторане у южных огней,
И меня оживила, как ливень –
Изваянье засушливых дней.

Может это задумал Бетховен
У бессонной тоски ночника,
Но в чаду сигарет и жаровен
Бесприютно порхала рука.

Не унять угрызений с годами.
Как же ты не сумел, не сберёг
Эту скрипочку – в дыме и гаме,
Полосующий сердце смычок.

Заключение

Без ревности, тревоги и обиды
Вы все со мной – я всех вместить могу,
С кем я бродил по берегам Тавриды,
И вдоль сугробов в иглах на снегу.

Усталые от лет несправедливых,
Бескрылые от сумок и тоски, –
Как в дальних днях беспечных и счастливых,
Вы лишь во мне подвижны и легки.

Кто знает – может, кончится дорога,
И юные мы так же воспарим
В прохладном и просторном сердце Бога,
В начале нас возлюбленные им.

РЮРИК

Он бродил по набережной долго,
Слушал чаек хрипловатый крик
Старожил курортного посёлка
С неразлучной палкою старик.

Чуть качая шкиперской бородкой,
Покидал под вечер конуру
И бодрил свое унынье водкой,
И скрипел, как мачта на ветру.

Или одинокими часами
На террасе чёрен и сутул
С тусклыми, застывшими глазами
Слушал моря отрешённый шум.

Что его терзало издалёка?
Только он остался где-то там...
Где, тоскуя, у Владивостока
Зону он таёжную топтал.

И, когда торговыми рядами
Рынок оккупировал залив,
Он растаял как-то над волнами,
Трубочку свою не докурив...

Над скользящей тенью дельтоплана
Ловит ветер бронзовый герой...
Лишь в безлюдьи зимнего тумана
Он ещё мерещится порой.

* * *

Тускнеют осенние краски
Бульваров сквозных и пустых.
К чему эти глупые сказки
О памяти вечной живых?

Всё льдистой земля дождевая,
Морознее, жёстче, черней,
И, всё на ходу забывая,
Скользят поколенья по ней.

А в синей, распахнутой выси,
Усеяв небесный простор,
Блестит неразборчивый бисер,
Последний всему приговор.

И что этим сотням парсеков,
Где звёзды, как в море песок,
Искусство высокое греков,
И этот военный вальсок.

Мы просто здесь жили и были.
А память развеет, как прах.
Песчинки космической пыли
Витают в бессчётных мирах.

АРИОН

У края бездны всё острее,
Всё искренней душа горит;
Так чайка раненая, рея,
Над морем вечером парит.

Так жизни оклик журавлиный
Зовёт бредущих на расстрел,
Так Арион перед пучиной
Пиратам обречённый пел.

ИЮНЬ

Опять этот пух на асфальте
Пытается взмыть в духоту,
И быстрые скрипки Вивальди
Подхватят меня на лету.

И там, где встречает Тверская
Знакомый бульвар на пути,
В далёкую повесть вникая,
С поднявшимся пухом лети.

Над сквериком Герцена ветер
Припомнит студенческий гул,
И галочкой лёгкой отметит
В журнале последний прогул.

У сетки спортивной площадки
В бессильной тени тополей
Ищи и стирай отпечатки,
О скрытых уликах жалеи.

И, города не узнавая,
Всё дальше плыви всё равно
Над утренним звоном трамвая,
Который не ходит давно.

Плыви и на отзвук начала,
Когда ускользают черты, –
На всё, что так чудно звучало
В пустыне твоей глухоты.

Лови обновившимся слухом
Уже на исходе пути
Над летом, над сквером, над пухом,
Над всем, чему слов не найти.

* * *

Всё досталось безлюдью и вьюгам.
Даже Сольвейг уже не поёт.
За полярным спасительным кругом
Одинокое солнце встаёт.

Там хотел бы устать и причалить,
Где тяжёлые ветры свистят,
Где бросается море на наледь,
И над брызгами чайки кричат.

Я со всеми скучал и крепился,
Но когда мы к земле подойдём –
Только ветер окликнет у пирса,
Только чайка помашет крылом.

Уповая на слово Господне,
Завершаются наши труды,
Опускаются шаткие сходни
На твердыню у тёмной воды.

СЕРИАЛ

На жёлтом, обжитом диване
Бухгалтер вечером с женой
Ждёт с нетерпением на экране
Свой сериал очередной.

Однообразно и нелепо
Ползут его к исходу дни,
Другое дело – годы НЭПа,
Притона грязные огни.

Или на гребне перестройки,
Валютой в баре заплатив,
Бандит со шрамами у стойки
Глокает свой аперитив.

Как и положено агенту,
Он вжился в заданную ложь,
Он проглотил свою легенду –
Его на фуфел не возьмёшь.

Его гетера молодая
На зимней даче приютит,
Упругим телом утоляя
Его геройский аппетит.

С неодолимым пылом фавна
Азартен гость не по годам,
Ведь он откинулся недавно
И по любви изголодал.

Как ловко он внедрится в банду
И перессорит главарей, –
Им скоро вновь хлебать баланду
Или самим кормить червей.

И лишь в конце из-за измены
Его разоблачат враги;
И вот уж – брызгают на стены,
Стекая, красные мозги.

С двумя стволами в куртке серой
Пройдёт кровавый коридор,
И в кабинете за портьерой
Добьёт последнего в упор.

С неукротимым нюхом гончей
И честной доблестью мента
Он с бандой киллеров покончит
И в штабе выявит крота.

Потом с друзьями в ресторане
Обмает звон своих наград;
И с грустью двое на диване
Зевнут – и скоро захрапят.

Проста дорога – от цифири
К сухим кладбищенским кустам:
Одною скукой меньше в мире,
Одной плитою больше там.

У ЗАЛИВА
(Лето)

Тропинка пыльная, крутая
Средь чахлых трав.
У моря дремлет чаек стая,
Кружить устав.

По окоёму взгляд скользящий
Куда ни кинь:
В дали сияющей, слепящей
Искрится синь.

И чувствуешь в лучах усталых –
Грядёт закат;
Лишь солнце скучное на скалах,
И треск цикад.

У ЗАЛИВА
(Осень)

Ищет сегодня приюта
Над опустевшим селеньем
Ветер осенний.

Трогает голые ветки,
Долго играет у пирса
Старой газетой.

Поздняя, хриплая пена
Плещет, назад уползая;
Гул бесполезный.

Чудятся в гребнях бескрайних
Смутные, хрупкие плечи,
Вечная скрипка.

Жизнь пролетела, и скрылись
Над беспокойной волною
Белые крылья.

ПОДВАЛ

Там на домах упоминался Герцен,
Но Достоевский уводил в подвал,
Где за американкой и деберцем
Я молодость упрямо убивал.

Тому, кто сыт календарём по горло,
Кого уклад привычный истерзал –
Как чистый голос утреннего горна,
Азартный гул и прокопчённый зал.

Кого уже мутит от постоянства,
Кто с миром примириться не сумел –
Осваивает смежное пространство
И примеряет дерзкий глазомер.

2

Ну, что за век! Кто очарован далью,
Но по своей природе близорук,
Подхваченный ожесточённой швалью,
Становится предвестником разрух.

Так чаяний высоких в результате
Посеял щедро косточки в полях
Почти святой – отшельник и мечтатель –
От почвы оторвавшийся поляк.

Ещё рука резка и неумела,
И точку не найти издалека,
Но стол и зелень в мелких крошках мела
Неукротимо дразнят игрока.

И всё по бранным потечёт законам,
Когда сустав расслаблен локтевой,
Когда над полем стелется суконным
Надсадный чад, как дым пороховой.

Гони шары в распахнутые щели,
Вздымай куши – играй на интерес,
И до конца раскачивай качели,
Чтобы достать макушкой до небес.

ТРОПИНКА

Когда терпенье в келье тает,
И боль молиться не даёт,
И грех унынья облипает,
Как испарение болот.

Спустись по утренней тропинке
В нудящий улей под горой,
Где днем торгуются на рынке,
А ночь – грызутся за игрой.

Вступишь за маленького вора,
И выпей с нищими вина,
И, как положено у своры –
Чужой – получишь ты сполна...

Ну, что разлётся – поднимайся.
Уже пылает твой закат.
И долго, трудно поднимайся
По собственным следам назад.

Как ноют ссадины на шее,
И горек пересохший рот,
Но с каждым шагом всё свежее,
Всё чище горный ветерок.

Оживший скит обнимет сына,
И всё покажется родным:
Недоплетённая корзина,
Оплавший воск и лёгкий дым.

Восславь же Господа – и встряской
Готов он образумить нас,
И возвратить – кольнув указкой –
На узкий путь в некрепкий час.

ШВЕЙК

Стекланный, маленький солдат,
Ты знаешь – жизнь дерьмо;
Стоял ты сорок лет назад
На мамином трюмо.

Но там, где чешский стеклодув
Фигурки выдувал,
Пилот, слегка недотянув,
Не удержал штурвал.

А ты не изменил лица
И позы не сменил,
Всё так же – на столе отца –
Молчание хранил.

Покуда с трубкой в животе
И жижею в тазу
Он не оставил на тахте
Последнюю слезу.

Теперь среди книжных корешков
И глиняных зверей
Ты собираешь пыль веков
И комнатки моей.

Резвится мир, плывут венки,
Меняется уклад,
И неизменные зрачки
Бессмысленно глядят.

И, приближаясь к рубежу
За матерью с отцом,
Я долго, пристально гляжу
В стеклянное лицо.

Всё глуше музыка в конце,
Тупее боль утрат,
И на моём уже лице
Всё стеклянее взгляд.

Стоишь с улыбкой вдалеке,
И выправка крепка,
И кружка полная в руке,
И не хлебнуть пивка.

БАЙРОН

То лес раскачивал над крышей,
То равнодушно шелестел
Шекспира рваною афишей
Над крошевом кровавых тел.

Под ветром лет неукротимых
Гнетущей жалостью душил,
Тоской дряхлеющих любимых
У близкой глины их могил.

И сквозь наивный лепет женский,
Сквозь заведённый карнавал
Пронзал меня сквозняк вселенский,
И примириться не давал.

Как с отдалённой колокольни,
Гудел настойчив и тяжёл,
Чтобы нигде в пустыне дольней
Изгнанник дома не нашёл.

Всё разрушая и ревнуя,
Свистел над пошлостью мирской
И нёс тоску свою сквозную,
И уходил в простор морской.

СЕРГИАНЕЦ

Не чернело в грудь винтовки дуло,
Не глушил прикладами конвой,
Только чёрным холодом подуло
Из блокадной тучи над Невой.

Зарывайся дома в одеяла,
Всё равно сегодня не уснуть,
Если рядом бездна засияла,
А дрожишь – и боязно шагнуть.

И тебе сквозь треск радиосводок
В строгий час военных новостей
Слышится шипенье сковородок,
Лютый вой и шуточки чертей.

И когда разрывы от фугасов
Сотрясают мёртвый Ленинград,
Из углов замученные в рясах
Неотрывно на тебя глядят.

И поют тебе из-под землицы,
И твердят далёкие друзья:
«Можно и за грешников молиться,
Только за Антихриста – нельзя».

Сколько их упрямых по Сибири
Оседало под морозный хруст
Со стихом из пламенной псалтыри
У сухих и непреклонных уст.

* * *

В последний раз приехать летом
Бродить, томиться и жалеть;
Над обновлённым парашютом
В простор распахнутый глядеть.

Где годы лучшие всплывают,
Блестят на солнце, как слюда,
И в голубом заливе тают
Без сожаленья, без следа.

Там всё выдавшая аллея
Под звёздной россыпью лежит;
И девочка, от счастья млея,
На спинке ослика дрожит.

ПЛЕЯДА

Мише Эльману

Где приносили ласточки весной
На крыльях весть о близости каникул,
У бледных нот склоняясь над струной,
Усердно каждый в комнатке пиликал.

От мазанок, где летом у плетня,
Пылясь под солнцем, мается подсолнух,
Вас увозили знатоков пленять
От первых взмахов до концертов сольных.

Не под жандармским пристальным зрачком
В бодрящей лжи над скукой местечковой –
Вы шли к свободе, поводя смычком,
Шлифуя звук во имя жизни новой.

От кухонек, где прозябает лук,
От затхлых будней и потёртой торы –
Несли по свету этот чистый звук
И покоряли залы и просторы.

Средь выжженных украинских степей
Кто наделил вас этим гулким правом,
Иль в жилах пел Иуда Маккавей
О жгучей вере и песке кровавом.

Как и у всех – затихнут ваши дни,
И, сетуя, как время быстротечно,
Припомните дорогу вдоль стерни
В огромный мир из пыльного местечка.

ОБЛАКА

Рука Адама в небесах
Ещё просохнуть не успела,
Когда в строительных лесах
Пропахла красками капелла.

Как обречённо он один
В своём заляпанном обличье
Среди напыщенных картин
Ветхозаветного величья.

И до сих пор не улеглась,
Лишь безысходней год за годом,
Слезящихся, опухших глаз
Тоска галерная под сводом.

И всё же дремлющий огонь
Сквозь время краски сохранили:
К ладони тянется ладонь,
Ладонь у губ Иеремии.

...И поднимаясь от земли
К застывшим драмам и святыням,
Чтобы отсюда унесли –
Выводит белое на синем.

И я хотел бы облака
В их лёгком написать полёте,
Как онемевшая рука
Невольного Буонарроти.

* * *

Всё чище, всё легче, всё чаще
(Дюймовочка? птичка? свирель?)
Трепещет и льётся из чаши
Какая-то чудная трель.

Свободно над зеленью свищет,
Справляет забвенья забот,
Всё выше, всё легче, всё чище –
Волнуется, вьётся, зовёт.

И вот уж совсем недалече
Парит над сплетеньем ветвей –
Всё выше, всё чище, всё легче,
Прозрачнее, тоньше, светлей.

* * *

Расставайся с последней любовью,
Не жалея, что вокруг ни души –
Ты уже привыкаешь к зимовью
В заповедной таёжной глуши.

Утопая в снегах по колено,
За свободу теплом заплатив,
Вдалеке от мельканья и тлена
Выводи свой последний мотив.

Восходи в небеса нелюдимо,
Не найдя заземленья нигде,
Сизой струйкой безвестного дыма
К индевелой сибирской звезде.

Оближи пересохшие губы
И взмахни на прощанье рукой
У замшелого, старого сруба
Над широкой, таёжной рекой.

В ЛАМАНЧЕ

В дальнем углу умирающий старец,
Душны и жарки последние дни:
В стойле мычат, домочадцы устали...
Ближних не мучай – с концом не тяни.

Свиньи в корыто тычутся рылом.
Рыхло зевая, крестьяне встают.
Грузят товары и едут на рынок.
В карты играют, и в церкви поют.

Ну, а когда успокоится сердце
Над болтовнёй пожелтевших страниц,
Будут всё также под небом вертеться
Лопасты мельниц и ляжки блудниц.

Всё, что Господь в барабане железном
Перемешал, раскрутил, завертел,
Всё, что в упрямстве своём бесполезном
Ты почему-то принять не хотел.

Завтра в корчме Дульсинеи Тобосской
Будет привычно толпиться народ;
Тучный мужик за скрипучей повозкой
Слёзы на потном лице разотрёт.

В СТЕПИ

Разносит ветер тысячи судеб,
Чернеют разорённые поместья...
Какая ночь! Кузнечики и степь.
И дым костра в далёкие созвездья.

Жива ли ты? Не знаю... но жива
Перед прощаньем в утреннем тумане...
Стрекочет... не колышется трава.
И дремлет лошадь, и прядёт ушами.

Здесь у огня – ни мыслей, ни тревог –
Покой и степь в свободе бестелесной,
И не понять: усталость или бог
Отняли волю и объяли бездной.

Сморит под утро запах чабреца,
озябшие угомонятся травы,
и скатится росинка у лица
перед дорогой смутной и кровавой.

ПОД СТУК КОПЫТ

По мороси скучной,
По вечной грязи
С печатью сургучной
Бумаги вези.

Пусть вязнут колёса
В свои колеи...
Приказы, доносы,
Признанья в любви.

* * *

С депешей срочной
Промчи седока
Под окрик полночный
И шпоры в бока.

Хрипи перед сменой,
С удушьем борясь,
С горячею пеной
В последнюю грязь.

* * *

И всадник, и сбруя –
Как всё вам к лицу –
 Парадно гарцуя
 На ярком плацу.

В одетых на зависть
 Гусарских полках
Вдоль юных красавиц
 С цветами в руках.

* * *

Средь бранного пыла,
 Поверженных тел
 Свирепый Аттила
 По полю летел.

Под рёвом героя
Неслась напролом...
 И мясо сырое
Несла под седлом.

* * *

Под грохот и слёзы
От брошенных хат
Тянулись обозы
На дальний закат.

От белых и красных
Сквозь годы и дым
В скитаньях напрасных
По травам седым.

* * *

Меня, пламенея,
Почуешь в раю
И длинную шею
Поднимешь свою

От ровного луга,
От свежей травы,
Приветствуя друга
Кивком головы.

ВАЛЬС

Воздушно, наивно и кротко.
Как счастья девичьего всхлип,
Когда показалась пролётка
Вдали зеленеющих лип.

Беспечно, прозрачно, далёко...
Как облако в чистом пруду.
Как пряди над строчками Блока
В каком-нибудь зыбком саду.

Я слышу – шуршат по паркету
В счастливом порыве шелка;
Последнее мирное лето
Флиртует и шутит пока.

Как будто сквозь горечь опалы,
Сквозь хаос и дым мятежа
Последние, лёгкие пары
Ко мне долетают, кружа.

ДВЕ СТАРУХИ

Марлен

Зажившись в мире –хватишь горя;
И в пеньюаре голубом,
С бессонницей уже не споря,
Стоишь, к стеклу прижавшись лбом.

Уже выхватывает крыши
Рассвет сквозь утреннюю мглу...
На стенах – старые афиши,
Афиши старые в углу.

Как по утрам встречать постыло
Свои улыбочки со стен...
Как по пути тебя скрутило!
Как сморщило тебя, Марлен.

Из мёртвой жизни так блаженно,
Так безнадёжно далеки
Под медным солнцем смех Габена
И в танках дымные пески.

Садись разглядывать подарки,
Будить тоскою мужиков,
Покуда льётся свет неяркий
У бесполезных пузырьков.

Лени

Всё позади: друзья и слава,
Романов горных кружева;
Где к гибели рвалась держава,
Над кружкой дремлет буржуа.

Ты матерей их стала старше
И фантастичней их теней –
Текущих в факельные марши
В ремни затянутых парней.

Они на фронт перебирались
И исчезали без следа,
И только «Дойчланд юбер аллес» –
Доносит ветер сквозь года.

Там флаги льются, как лавины
На горе дремлющих внизу,
И мальчики с отвагой львиной
Вбивают в площади кирзу.

И, руки стройные бросая,
Пронесят бронзу твёрдых лиц
Сквозь узы душные Версаля
В простор арийский без границ.

Где старые трепещут карты
Под ветром завтрашних побед,
И над зарёй плывут штандарты
И голубой альпийский свет.

ДЕТСТВО

Где лодки на привязи бьются бортами,
И звякают цепи от лёгкой волны,
В тени камышей затяжными рывками
По глади озёрной скользят плавунуны.

У мостиков узких в укромных затолах,
У тонких и зыбких прибрежных берёз
Я помню прозрачную жизнь насекомых:
Скольженье жуков, зависанье стрекоз.

Да, всё «суета и томление духа»,
Но мы их к исходу оставить вольны:
Добраться до кромки, улечься на брюхо
И долго смотреть, как скользят плавунуны.

НЕМОТА

Опять над жертвами свободы,
Где неподвижные с утра
Лежат у брошенной подводы
В степи кубанской юнкера;

Над неумелою попойкой,
Над первой стрельбою в цель...

...Над неисправленной двойкой,
Над лёгкой Ниночкой в капель;

Над промелькнувшими веками,
Где толп истлела маета,
Над морем, сфинксами, песками
Меня объемлет немота.

Над тягой к свету хлорофилла,
Над набуханием икры,
Над долгой ночью, где бескрыло
Летят незрячие миры;

Где нечто в космосе открытом,
Как средоточье чёрных туч,
Своим чудовищным магнитом
Порабощает света луч;

Где в звёздах массы водорода
В штормах огня всё тяжелей,
Где кружит мёртвая свобода
В игре бессмысленной своей.

* * *

В затянувшемся плаваньи тянется нудно
Пузырящийся след от руля за кормой,
И тоска в парусах одиссеева судна
Заводила рассказ о дороге домой.

И роняющий пот на полях фараона,
И вмерзающий в лёд сталинградской зимой
На равнинах чужих – до последнего стона
Износили тоску о дороге домой.

Что-то ныло на в детстве уловленный запах,
На туман у воды, на далёкий порог
И из душных барачных бараков летело на запад,
И от пыльных каштанов ползло на восток.

* * *

Так ласточка у кровли юга
Снуёт весь день в весенний зной,
Жилище для себя и друга
Скрепляя клейкою слюной.

Легко заделывает щели
И вновь летит во все концы,
Чтобы тянулись и галдели
Её голодные птенцы.

Её устойчивой заботе
В небесных рейдах – подражай:
Лови пушинки на излёте,
Кусочки почвы собирай.

Высоким напряженьем слуха
Ищи созвучья по степи,
Жилище из земли и пуха
Слюной гармонии скрепи.

С усердьем этой лёгкой птички
Мечте своей создай уют,
И звуки в братской переключке
Тебе в награду запоют.

ТРОЯ

Осядут в почву городские стены,
В пластах земли позеленеет медь,
И только лёгкой поступи Елены
По плитам Трои суждено звенеть.

Растает всё во времени и прахе,
Всех примерит подземная река,
И только стон прощальный Андромахи
Прошелестит в сердцах через века.

Как, горестно выпрашивая тело,
Валялся царь во вражеском шатре!..
Прислушалась богиня – и воспела
Гнев Ахиллеса в гулком серебре.

Гекзаметром в ночи многострадальной
Безумный грек – годам наперекор
Зажёг костёр над ними погребальный
И на столетья зарево простёр.

СОДЕРЖАНИЕ

Бабые лето	5
Немая речь	6
Кантор	8
Командиры	9
Кнорозов	10
«Чтоб не месить грязь...»	11
Анджей	12
Домой	14
Утро	15
Блок	16
Двадцатый	18
«Есть предел у твердыни...»	19
Рим	20
«Есть место на земле...»	22
«Уже не ропщет заключённый...»	23
Конница	25
Елена	27
О лицах дальних	28
Вступление	28
Таня	29
Ира	30
Вита	31
Заключение	32
Рюрик	33
«Тускнеют осенние краски...»	35

Арион	36
Июнь	37
«Всё досталось безлюдью и выюгам...»	39
Сериал	40
У залива (Лето)	43
У залива (Осень)	44
Подвал	45
Тропинка	48
Швейк	50
Байрон	52
Сергианец	53
«В последний раз приехать летом...»	55
Плеяда	56
Облака	58
«Всё чище, всё легче, всё чаще...»	60
«Расставайся с последней любовью...»	61
В Ламанче	62
В степи	63
Под стук копыт	64
Вальс	67
Две старухи	68
Марлен	68
Лени	70
Детство	72
Немота	73
«В затянувшемся плаваньи...»	75
«Так ласточка у кровли юга...»	76
Троя	77

ISBN 5-902913-03-9

© Гофман В.Г.

© ООО «Художественно-издательский центр», 2013

Пересыпаемый песок

Подписано в печать 21.03.2013.

Формат 70x100¹/₃₂. Гарнитура AGPalatial.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ № 0301.

Издательство

ООО «Художественно-издательский центр», Москва

Тел. (495) 233 2217

